

Книги Андрея Бурего
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**ОХОТНИК. ЗАМОК ДРЕВНИХ
ОХОТНИК. ПУСТОШИ ДЕМОНОВ
ОХОТНИК. ПОКИНУТЫЙ ГОРОД
ОХОТНИК. ЛОРД ПУСТОШЕЙ**

**ОДЕРЖИМЫЙ. СТРАЖ ИМПЕРИИ
ОДЕРЖИМЫЙ. ЗАЩИТНИК ИМПЕРИИ
ОДЕРЖИМЫЙ. РЫЦАРЬ ИМПЕРИИ
ОДЕРЖИМЫЙ. ДРАКОНОБОРЕЦ ИМПЕРИИ
ОДЕРЖИМЫЙ. ДЕВЯТЫЙ ГЕРЦОГ ИМПЕРИИ**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНДРЕЙ БУРЕВОЙ

ОДЕРЖИМЫЙ.
ДЕВЯТЫЙ ГЕРЦОГ
ИМПЕРИИ

РОМАН

Москва, 2015
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б90

Серия основана в 1992 году
Выпуск 977

Художник
И. Воронин

Буревой А.

Б90 Одержимый. Девятый герцог Империи: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015. — 410 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2123-7

Все было бы хорошо. Ну правда, все было бы хорошо. Если бы не бес-благодетель... Ведь до сей поры у сэра Кэрридана ди Стайни все складывалось просто отлично. Их с его дражайшей невестой, а по совместительству сильнейшей магессой мира, охотничья двойка уже какого-никакого опыта набралась, и изведение жутких драконов перестало быть таким уж опасным. Можно сказать, вошло в привычную колею. Да и отношения у него с Черной Розой Империи явно пошли на лад... Так что впору уже начать всерьез подумывать об обещанном императором призе за успех в деле изведения драконов, оккупировавших предгорья Палорского хребта, и примерять на себя титул удельного владетеля. Но... но бес-благодетель не дремлет! Ох не дремлет... И благодаря его проискам сэра Кэрридана ждет возвращение домой, к невесте ненаглядной, в компании со взятой на поруки красоткой-златовлаской... А этот рогатый прохвост только радостно скалитесь да, предвкушающе потирая лапки, приговаривает: «О, что сейчас будет, что сейчас буде-э-эт...»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Андрей Буревой, 2015
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015

ISBN 978-5-9922-2123-7

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Окруженный деревянной стеной городок словно прыгнул навстречу мне, совершенно неожиданно вынырнув из заповоленного всю округу густого утреннего тумана. Хотя столь скорое появление какого-либо поселения ничто не предвещало. Лишь примеченный мной на последнем перекрестке, оставшемся милях в трех или четырех позади, указательный знак — прибитая к чуть покосившемуся серому столбу такая же старая, разохшаяся и потемневшая от времени и непогоды доска с вырезанным на ней и подведенным когда-то давно для вящей отчетливости черной краской названием «Коуридж» — как бы намекал, что цель моего путешествия уже совсем близка. Однако отсутствие не только обширных предместий, обычных для городов в сонно-спокойных центральных областях Империи, но даже расположившихся за крепостной стеной, поближе к тракту и усталым путникам, постоялых дворов ввело меня в заблуждение... Когда дорога резко закончилась, я едва успел осадить своего разгоряченно хрипящего коня, несущегося галопом, не дав ему врезаться в небольшой крестьянский обоз, медленно вползающий под бдительным присмотром пятка доспешных стражников через открытые настежь ворота.

Успешно избежав столкновения как с последней телегой, так и с вовремя отскочившим в сторону вихрастым пареньком, шагающим подле нее, и заставив опуститься взвизгнувшего было на дыбы коня, я облегченно перевел дух. Все ведь могло закончиться куда как хуже... По той простой причине, что мое верховое мастерство, прямо скажем, хромает. Причем на все ноги. Из седла при быстрой скачке не выпадаю — и то хорошо.

Впрочем, досадная оказия, приключившаяся со мной у ворот городка, ненадолго заняла мое внимание. Оглядевшись и

убедившись, что никто, включая не успевшего даже особо испугаться деревенского паренька, от моих действий не пострадал, я моментально и думать забыл о случившемся. И немедля послал своего коня вперед, одновременно с этим заставляя его принять чуть правей и ступить с дороги на поросшую травой обочину. Очень быстро и без помех я добрался до ближайшего стражника, бесцеремонно обогнав при этом медленно продвигающийся вперед обоз.

— Коуридджская каторга? — означил я вопрос, обращаясь к служивому.

Молодой стражник на мгновение отвлекся от осмотра ближайшей телеги на меня, восседающего на громко хрипящем и словно бы приплясывающем коне, которому не терпелось продолжить скачку.

— Это вам туда, — ткнул стражник рукой куда-то влево. — Мили полторы еще по дороге, почти до самой реки. — И добавил несколько неуверенно, оглядев меня: — Сэр.

— Значит, мили полторы всего... — призадумался я, сначала повернув голову и посмотрев в указанном направлении, а потом потрепав по холке своего загнанно дышащего коня: его явно пора бы уже сменить.

После чего бросил оценивающий взгляд на раскрытые городские ворота.

— Ну или еще напрямик через город можно проехать, и через восточные ворота дальше, — несколько неправильно оценил мои колебания стражник. — Так оно чуть короче будет.

Досадливо дернув уголок рта, я коротким кивком поблагодарил коуридджского стражника и ударом пяток послал коня в объезд преграждающей путь крестьянской телеги и далее — по дороге, уходящей влево, вдоль стены, набранной из толстенных, необхватных бревен. Не стал в городок заезжать, дабы поискать замену заметно подуставшей животинке, несущей меня на себе уж с полуночи. Больше времени потеряю на этом, чем выиграю...

Мысль об утекающем времени заставила меня с новой силой стиснуть зубы и пришпорить коня. Мне-то тут хорошо на свободе, а для Энжель на каторге каждый миг тянется как нескончаемая вечность...

Я аж опять зарычал про себя, досадуя на свою непроходимую наивность, заставившую без оглядки довериться серомундирикам. Пусть даже хорошо знакомым. Думал, по-люд-

ски обойдутся со златовлаской служащие Охранки, поддержат ее немножко в своих подземных казематах, в тишине и покое, да и все. И даже всякую крамольную мысль ведь отгонял, что с Энжель могут поступить иначе! А они... Отправили ее на каторгу! Даже не посадили в какую-нибудь жуткую тюрьму, а отправили напрямиком на каторгу!

Уже в который раз за эти три дня, что минули с момента получения мной от ас-тарха Кована известия о месте пребывания одной особы, которая по какому-то недомыслию мнится руководством Охранки настоящей преступницей и хитрым агентом наших заклятых аквитанских друзей, я порывисто вздохнул, неимоверным усилием воли подавляя в себе терзающее душу беспокойство об участи бедняжки Энжель. И погнал коня галопом вдоль городской стены. К восточным воротам Коуриджа... Где очутился спустя буквально пару минут. Это произошло не в последнюю очередь из-за того, что объездная дорога оказалась совершенно пуста, а соответственно придерживать коня мне не понадобилось.

Помеха в пути встретилась лишь чуть погодя, когда я, вывернув близ скучающих у открытых ворот стражников на плохонький тракт, поскакал дальше. Навстречу мне проследовал целый обоз из почти двух дюжин груженных доверху повозок, запряженных волами. Впрочем, несмотря на определенную узость дороги, ведущей вроде как напрямик к каторге, разминулся я с этим непонятным караваном без особых проблем — промчался просто по самой бровке и был таков.

И вот спустя пятую часть часа после обнаружения мной искомого Коуриджа я очутился на месте. У высоченного частокола, в который упирался узкий, изрядно пыльный тракт.

Оглядевшись по сторонам со спины гарцующего коня, что вновь взвился было на дыбы из-за резко дернутых назад поводьев, я утвердительно кивнул, убеждаясь, что явно попал именно туда, куда надо. Конечно, нигде нет никакой указывающей таблички, но здесь, за плотно, без единой, даже крохотной щелки поставленным частоколом определенно не обычное селение скрывается. Слишком уж высока отстроенная кем-то преграда... Наверное, вдвое, не меньше, превосходит восьмиметровую стену, окружающую Коуридж. Да и набрана она из совсем тонких стволов деревьев, а не из приличных — в пару-тройку обхватов. Такую простеньким тараном можно враз разметать. И башен нет ни одной. Ни сторожевых по пе-

риметру, ни даже обязательной надвратной. А это уже явно указывает на то, что передо мной ни разу не защитное сооружение. Прямо подходи кто хочешь по чистому полю к частоколу да карабкайся вверх по обильно смоленным стволам...

«Правда, по лугу этому, кошеному, зачем-то известью или мелом отсыпана белая полоса, — заметил я на расстоянии примерно полусотни ярдов от темной стены, поблескивающей осевшей влагой, еще одну бросающуюся в глаза несуразность. — И это явно неспроста...»

«Ага!» — поддержал меня сидящий на левом плече бес, наверное, тоже слышавший о таком способе обозначения территорий, запретных для прогулок.

«В основном, конечно, такие места, напичканные магическими ловушками, а потому требующие обозначения во избежание трагических случайностей, встречаются близ пограничных крепостей, но и тут, похоже, то же самое», — подумал я, поглядев вправо-влево и убедившись, что теряющиеся в тумане белые полосы присутствуют с обеих сторон тракта и, судя по всему, уходят вокруг каторги, заключая ее, таким образом, в своеобразное кольцо. Которое, правда, остается разомкнутым в месте примыкания к дороге. Здесь, так и не слившись друг с дружкой в одно целое, два конца тщательно отсыпанной линии резко изламываются и убегают к частоколу по обочинам, как бы предупреждая о недопустимости съезда на них.

Проверять верность возникших догадок путем проникновения на очерченную территорию я не стал. Просто потому что не до того. А отнюдь не из-за страха перед возможными последствиями, как тотчас же с ехидством предположил бес, не упускающий ни единой возможности подначить меня и втравить в какую-нибудь авантюру. Ведь очевидно же: если здесь и в самом деле имеются какие-то магические ловушки, то они разве что усыпляют или парализуют сошедшего с дороги и ступившего на траву человека. Чай каторга — это не пограничная крепость и в защите столь серьезным образом, с использованием действительно смертоносных эффекторов воздействия, не нуждается. Тем более учитывая еще, в каком месте она располагается... Близ какого-никакого, а городка. Проблем же потом не оберешься, случись кому из непричастного люда опрометчиво влезть в убийственную ловушку. А влезет в нее кто-нибудь обязательно! Это любому человеку, хоть немного понимающему людскую натуру, понятно.

Так что, бросив на очерченный предупреждающей линией лужок последний взгляд, я просто двинул коня дальше. К воротам, вырезанным прямо в частокоче. Их контур был четко видим даже с приличного расстояния.

Стучать или кричать, дозываясь охрану, мне не пришлось. Стоило только приблизиться к воротам на достаточное расстояние, как в них раскрылось небольшое окошко, забранное металлической решеткой. Человек, лицо которого тут же возникло в проеме, вопросительно уставился на меня.

— Это Коуриджская женская каторга? — проформы ради осведомился я, даже не сомневаясь в положительном ответе.

Спрыгнув с коня, я с подозрением принялся. Какой-то странный, тревожащий обоняние запах, довольно далеко отстоящий от ароматов изысканных дамских духов, я начал ощущать, еще оказавшись возле восточных ворот городка. Но особого внимания на этот факт не обратил, подумав мельком, что там, близ ворот, за стеной, расположено какое-то алхимическое производство. Однако то обстоятельство, что по мере удаления от Коуриджа благоухание это неземное не ослабевает нисколько, а лишь усиливается, как-то ускользнуло от меня. Только здесь, у темной стены, которой каторга обнесена, я начал прозревать и что-то неладное подозревать... Потому как особенно отчетливо духом этим резким, неприятным несло из щелей в воротах, перед которыми я оказался.

— Она самая, — меж тем утвердительно ответили мне в окошко.

И умолкли.

«Ишь неразговорчивые какие попались», — хмыкнул я про себя и, не дождавшись закономерного вопроса о том, чего мне надо, велел присматривающему за воротами каторги охраннику:

— Эйра Риатиса тогда позови. Скажи ему, что сэр Кэрридан ди Стайни по известному делу прибыл.

— Ща... Старшего кликну, — без особого энтузиазма отозвался несловоохотливый охранник и захлопнул окошко.

Мне же оставалось только кивнуть и начать тренировать силу воли и выдержку. А попросту говоря — стоять, неотрывно пялясь на ворота, и смиренно дожидаться появления начальника каторги. К коему мне указал обращаться в своем письме ас-тарх Кован.

Правда, недолго я, замерев будто вкопанный, глазел на во-

рота, как баран. Спыхватился быстро. И начал вываживать своего запаленного коня. А то ведь так можно сгубить ни про что животинку.

За этим занятием меня и застал вышедший в калитку, обнаружившуюся в правой половинке ворот, подтянутый мужчина средних лет в черном форменном мундире. Не иначе как сам начальник каторги... Судя по безупречно сидящему на нем — явно пошитому на заказ! — щегольскому мундиру из дорогого сукна, с серебряными пуговицами.

— Ваши бумаги, пожалуйста, — попросил он, несколько удивленно, как мне показалось, оглядев устало хрипящего коня и запыленного меня.

— Вот, прошу, — немедля предъявил я требуемое, достав из переметной сумы документы, присланные ас-тархом с сопроводительным письмом.

Быстро просмотрев бумаги, мужчина хмыкнул. Оторвавшись от них, он опять уставился на меня и на коня. Теперь — уже с совершенно отчетливо проявившимся на лице удивлением.

— Что-то не так? — не выдержал я.

— Да нет, все так, — заверил он, спыхватываясь и возвращая бумаги. И, еще раз хмыкнув, поделился: — Просто я, как, впрочем, и все, несколько иначе представлял себе человека, выбившего разрешение прибрать к рукам нашу самую прелестную узницу — крошку ди Самери.

Такой неожиданный поворот разговора малость напряг меня. Да неслабо так озадачил...

— И как это понимать? — недоуменно нахмурившись, осведомился я.

— А, не берите в голову, — отмахнулся собеседник, обрывая пошедшую в очень странном направлении беседу. И несколько натужно рассмеялся. Вроде как желая показать, что его слова следует воспринимать исключительно в качестве шутки.

А затем поспешил отвернуться, чтобы отдать распоряжение захлопнувшему за ним калитку и теперь выглядывающему наружу в зарешеченное окошко охраннику:

— Давайте приоткройте там чуть ворота, запускаем.

Само собой, мгновенно ворота не отворились — пришлось чуть подождать. Совсем недолго, впрочем. Уже через пару минут я прошествовал вслед за высоким здешним начальством во двор каторги. И коня за собой затащил. Несмотря на его яв-

ное нежелание лезть в место, выпустившее навстречу нам целую волну удушливого смрада.

Только недалеко я ушел. Пройдя всего-то с пяток-другой ярдов за частокол, остановился в полном обалдении... Из состояния которого меня вывели лишь тупой звук упавшего в пазы увесистого бруса, заблокировавшего за нами створки небольших квадратных ворот, да глухое ругательство одного из двоих обретавшихся тут охранников, которому едва не придавило при этом действе пальцы.

Было просто чему удивиться... Снаружи-то все выглядело чинно и благородно — скошенный лужок да обычная стена. А вот изнутри... Изнутри каторга выглядит совсем иначе.

Пресловутая черная стена частокола, начиная с высоты примерно трех ярдов и до самого верха, вся заплетена-запутана тонкой стальной нитью. Причем не обычной гладкой, а колючей! Усеянной кривыми и с виду острыми-преострыми шипами просто в неимоверном количестве! Будто кто-то взялся в металле дикий шиповник воплотить! И у него это получилось.

При взгляде на это хитросплетение необычных нитей у меня сразу возникло впечатление, что на стене разместился некий невообразимо огромный кроличий силоч. В такой только сунешься — застрянешь намертво, с концами!

Но и это еще не все. Отступая от первой, внешней стены ярдов на дюжины эдак с полторы, шла вторая. Вполне себе обычный частокол. Только, не в пример первому, шестнадцати-семнадцатиярдовому, низенький совсем. До его верха даже человек среднего роста легко достанет руками. Достанет... И схватится прямо за выступающее полотно острозаточенной пилы с чуть расставленными зубьями размером в ладонь!

А дальше, еще ярдах в двадцати, имелся и третий забор... Чисто символический уже. Который можно просто перешагнуть. Если у кого-то вообще возникнет такое желание — ступить на занимающий пространство между второй и третьей оградами ковер. Ужасающий ковер из хаотично переплетенных двух-трехфутовых игл и пик. Стекланных. Не иначе как созданных магией. Да... А за основу этого творения абсолютно безумного мага, сдается мне, была взята шкурка ежа.

Мне аж нехорошо как-то стало, когда представил себе, как кто-то пробирается через это невероятное препятствие из сверкающих острейшими гранями шипов и игл. Тут же от тысяч глубоких, до кости, порезов-ран не спасут и самые-самые

крепкие сапоги! А если потерять равновесие, что в этом стеклянном хаосе сделать проще просто, и упасть, так вообще...

— Вы бы еще ров с крокодилами здесь обустроили! Чтоб уж наверняка! — невольно вырвалось от избытка чувств, охвативших меня при виде всего этого ужаса.

— Ну, ров с крокодилами у нас пока вполне успешно заменяет вторая полоса — та, что у основной стены. Туда в темное время суток выпускаются натасканные на людей рувийские боевые псы, — обернувшись, рассмеялся мой сопровождающий.

— Да ну, это уже просто мрак какой-то, — ошарашенно пробормотал я, не поверив поначалу каторжному начальству.

А потом, после взгляда на его ухмыляющуюся физиономию, лучащуюся гордостью и довольством, все же принял всерьез слова о натасканных на людей рувийских боевых псах, бегающих по ночам меж внешним частоколом и второй стеной.

Видя же, что я не только не спешу поддержать его смех, но и, очевидно, вообще не нахожу ничего забавного во всем этом, здешний набольший быстро оборвал себя. Хохотнув еще пару раз, он смущенно кашлянул. После чего, одернув мундир, произнес, вроде как оправдываясь:

— Зато в течение тридцати семи лет, практически с самого момента образования Коуриджской каторги, не было осуществлено ни одной успешной попытки побега с нее!

— А что, кто-то еще и пытается?! — обалдело возрился я на него, с трудом отводя взгляд от непроходимого ковра стеклянных лезвий, игл и шипов.

— Да бывает, — уклончиво ответил на мой прямой вопрос начальник каторги, явно не желая развивать тему.

Это зародило во мне закономерные подозрения. Похоже, несмотря на всю очевидную нереальность осуществления побега из этого места и на то, что сама такая попытка, учитывая все те жуткие препятствия, созданные местной охраной на пути к свободе, является полным безумием, бежать отсюда каторжанки пытаются довольно-таки часто... От хорошей жизни, наверное.

— Нужно немедленно вытаскивать отсюда Энжель! Немедля!.. — выдал я вслух, до глубины души проникшись увиденным и из-за этого чуть позабывшись.

И невольно стиснул оказавшийся в левой руке повод своего коня. До скрипа сминаемой заскорузлой кожи. Этот тон-

кий, раздражающий слух скрип и заставил меня опомниться, быстро ослабив хватку сжимающегося кулака. До того как конскому поводу был нанесен непоправимый ущерб.

«Да уж... чуть не сорвался на пустом месте», — мысленно укорил я себя и несколько смущенно покосился на обретающихся поблизости людей. Дабы выяснить, как они отреагировали на мою вспышку.

Но тут все было в полном порядке. Не понадобилось даже извиняться. Мой нечаянный возглас, несмотря на его отчетливость, был начисто проигнорирован как высоким каторжным начальством в лице моего спутника, так и парой рядовых охранников у запертых ворот. Все деликатно сделали вид, что ничего не услышали. И глаза отвели. Дескать, они тут не при делах.

— Идемте же, сэра Кэрридан, — кашлянув, поторопил сопровождающий после совсем крохотной заминки. Он приглашающе махнул рукой, увлекая за собой.

— Да, конечно, идемте, — тотчас же согласился я, решительным усилием воли безжалостно задавливая беспокойство и смятение, охватившие меня при виде навевающих жуть заградительных бастионов Коуриджской женской каторги.

И последовал за здешним набольшим дальше по своеобразной аллее, больше похожей на какой-то тоннель, стены и высокий арочный свод которой были сотворены из многослойной паутины стальной колючей нити, крепящейся на часто стоящих Г-образных металлических столбах-опорах. А там — вторые ворота. Только не деревянные, сплошного набора, как первые, а уже железные, решетчатые. Для вящего эффекта еще и густо оплетенные все той же колючей нитью. Хотя в дыры меж прутьев, для пушей надежности конструкции скованных кольцами в местах соединения, и без того не пролезть ни одной беглянке размерами крупней домашней кошки.

Я уже не стал ничего говорить, глядя на все это невероятно дорогое, если судить по количеству использованного металла, сооружение, через которое не проскользнет, не ободрав бока, пожалуй, даже мышь. Только головой покачал. Но когда мы, преодолев половину расстояния от ворот до ворот, миновали самый настоящий стиарх... Я уже просто не смог смолчать.

— У вас что тут, контрабандистов немерено, что ли, водится? Раз казне пришлось раскошелиться и поставить сюда дорожный стиарх, кои даже не на всякой таможне имеются? — спросил я, едва мы очутились за серебристой аркой, полых-

нувшей алыми рунами и коротко, пронзительно звякнувшей дважды в момент нашего прохождения под ней.

— Есть, конечно, среди наших заключенных и контрабандистки, но они здесь совершенно ни при чем! — рассмеялся обернувшийся начальник каторги. И чуточку снисходительно пояснил: — Стиарх здесь установлен исключительно для фиксации и сличения аур следующих этим путем людей. Чтобы ни одна из наших подопечных не совершила побег, спрятавшись в каком-нибудь отъезжающем от нас обозе.

— Ясно, — удовлетворился я этим объяснением. Нисколько не приоткрывающим, впрочем, завесу тайны над тем, почему казна пошла на такие расходы, установив здесь стиарх. Зная наших чинуш, известных крохоборов и жадюг, скорей можно было бы ожидать, что они просто повесят на местную охрану обязанность по тщательному досмотру следующих с каторги обозов.

«Пробивное, видать, здесь начальство», — хмыкнув про себя, поделился я своими мыслями с бесом.

«Ага, без крупной взятки тут явно дело не обошлось!» — согласился он и, живо озираясь по сторонам, лапки потер.

— Открываем! Запускаем! — меж тем отдал распоряжение начальник каторги отирающейся у решетчатых ворот четверке охранников в полных кожаных бронях.

Один из них, повесив на плечо стреломет, стоящий на боевом взводе, принялся сдвигать с нашего пути колючую преграду. Ворота-то эти, вторые, хитрые оказались: нараспашку не открывались. Не иначе с той целью, чтобы их нельзя было выбить, бросив на них, к примеру, коня. Они сдвигались влево, скользя небольшими колесиками по массивным металлическим желобам-упорам сверху и снизу.

Миновав и эти ворота, мы очутились уже во внутреннем дворе каторги. Огромном, надо заметить, дворе. Учитывая, что разместился здесь не один десяток здоровущих зданий, — и все равно простора осталось достаточно. Все, считай, строения наособицу из-за этого стоят. Только два, из числа самых больших, в которых по практически полному отсутствию окон легко угадываются склады, рядом друг с другом расположились. А еще хватило места для немалой конюшни и некоего подобия гостевого дома прямо у входных ворот.

— У вас тут что, настоящий постоянный двор поставлен? — с отчетливым удивлением спросил я, когда ко мне из-под на-

веса метнулся конюх, одетый вполне обычно, отнюдь не в форменный черный мундир, и попытался забрать повод коня.

— Да нет, что вы! Здесь только конюшня да простенькая харчевня, где можно лишь слегка перекусить и чайком побаловаться, — живо ответил начальник каторги. — А на постой у нас, разумеется, остановиться нельзя. — И доверительно поделился: — Люди-то ведь ладно, но животные определенной заботы требуют. Вот и пришлось место им обустроить, где они могут передохнуть, пока грузятся или разгружаются обозы. Ну и заодно уже для возниц харчевню поставили.

— А, понятно, — кивнул я, снимая с крупа коня переметную суму и вручая уставшую животину заботам конюха.

— Не стоило, в общем-то, беспокоиться, у нас не воруют, — мельком глянув на мои действия, тонко улыбнулся здешний набольший. Не сдержавшись, он рассмеялся: — Побаиваются, видя перед собой отчетливый пример того, чем это грозит!

— Да я не из-за каких-то опасений о своем имуществе так поступил, — заверил я, легко забрасывая тощую суму на левое плечо и похлопав по ней ладонью. — Просто здесь все бумаги, включая удостоверяющие мою личность, лежат. Вдруг что понадобится при оформлении.

А о том, что там же находятся и практически все мои деньги, я своего собеседника, понятно, просвещать не стал. Ибо не настолько меня тревожит их сохранность. В отличие от документов, от которых зависит освобождение Энжель.

— А, ну если так, то конечно, — легко принял объяснения начальник каторги, покосившись на мое явно недешевое оружие, оставшееся притороченным к седлу. — Не хотите ли с дороги перекусить? — вдруг предложил он.

— Что? Перекусить? — изумленно воззрился я на него, не поверив поначалу своим ушам.

В уме просто не укладывалось, как вообще можно такое предложить, зная, сколь серьезная причина привела меня на каторгу! Неужто здесь в порядке вещей приехать кого-то вызывать, особо не спеша при этом забирать свою подопечную?! Вроде как нет никому дела до того, нескончаемым часом больше она в столь жутком месте будет пребывать или целым мгновением меньше.

Мне стоило изрядных усилий не дать излиться охватившему меня возмущению. И охладило мой пыл, пожалуй, только

нежелание портить так вот сразу отношения со здешним начальством. Потому я лишь резко мотнул головой, отказываясь от поступившего предложения. А затем, не позволяя эмоциям прорваться в голос, бесстрастно заметил:

— Давайте лучше сначала разберемся с делом, по которому я прибыл. А там уже можно будет и перекусить.

— Так эйра Риатиса все равно пока нет, а без него ваше дело никак не разрешить, — ошарашил меня неожиданным заявлением спутник.

— То есть как это — нет? — тупо переспросил я, уставившись во все глаза на человека, почитаемого мной за начальника Коуриджской каторги.

— Ах да, я же совсем забыл представиться! — едва не хлопнул себя по лбу тот. И немедля отрекомендовался, склонив на мгновение голову и прищелкнув каблуками, ровно как какой-то гвардеец: — Оскар Бартинелли, старший триарх Надзорного ведомства. Сегодняшний ответственный по каторге.

— Так и что же теперь? — промедлив чуть, спросил я, растерянно глядя на него.

— Да ничего, — легкомысленно пожал плечами Бартинелли. — Эйр Риатис на службу обыкновенно к девяти часам прибывает. Так что нужно лишь немножко его подождать.

— Вот как? — пробормотал я и потянулся было к затылку, чтобы почесать его, да вовремя опомнился и отдернул руку. Наверняка ж невместно благородному сэру так по-простецки на людях поступать.

— Именно, — подтвердил Бартинелли, добавив благожелательно: — Потому я и предложил вам перекусить, чтобы время скоротать.

— Ясно, — наигранно бодро протянул я, усилием воли скрывая свое расстройство возникшей провололочкой. Да тут же, встрепенувшись, с надеждой спросил: — А повидаться мне пока с леди Энжель нельзя?

— Сожалею, сэр Кэрридан, но нет, — сокрушенно развел руками ответственный по каторге. — Свидания с заключенными возможны только с разрешения эйра Риатиса или его заместителя, и лишь в строго отведенный для этого час — с двух до трех пополудни. Таковы правила.

— Вот демон! — негромко ругнулся я. И все же почесал озадаченно в затылке, размышляя над тем, как же мне теперь быть. А затем осведомился: — Ну а тогда хотя бы просто уведо-

мать леди Энжель о моем прибытии и ее скором освобождении возможно?

— Давайте лучше вы ей сами об этом скажете, когда будут улажены все формальности, хорошо? — после совсем крохотной заминки предложил старший триарх, отчего-то не пожалевший пойти мне навстречу и в столь малом. И поспешно добавил, не иначе чтобы сгладить впечатление от своего отказа: — Да вы не беспокойтесь так, сэр Кэрридан. Я вас заверяю, ничего страшного с крошкой ди Самери за оставшееся время ее пребывания здесь не случится.

— Ну если вы так говорите... — разочарованно вздохнул я, смиряясь с тем, что бедной златовласке придется еще порядка двух часов провести на каторге, даже не ведая о своем скором освобождении.

— Так что, не желаете ли пока перекусить? — тотчас же повторил свое предложение Бартинелли. И со смущенным смешком произнес: — А то, признаться, вы, сэр Кэрридан, своим появлением прямо от трапезы меня оторвали.

— Да даже и не знаю, если честно, как тут быть, — после непродолжительных размышлений простодушно сознался я. И выразительно повел носом, намекая, что банально кусок в горло не полезет при таких-то несравненных ароматах, витающих в здешнем воздухе. Хотя по уму перехватить чего-нибудь, в общем-то, следовало бы. Потому как в последний раз ел толком я еще в Римхоле.

— Ах вот в чем дело! — немедля понял мою проблему Бартинелли и, заулыбавшись, потянул меня за собой. — Ничего, сэр Кэрридан, ничего. Уж этот момент мы быстренько поправим. Вот только заглянем сейчас к нашему старшему алхимику — тьеру Морину и раздобудем у него доработанный им «Поглощающий покров Воздуха»... Здешние ароматы моментально перестанут ваше обоняние раздражать.

— А отчего здесь вообще столь отвратно благоухает? — поинтересовался я уже на ходу, поспешая за своим сопровождающим и едва сдерживая порыв заткнуть нос рукавом. Ибо пахнуло вдруг в нашу сторону особенно мерзко.

— Так ведь наша каторга создана на основе дубильно-красильного производства. Вот и ароматы соответствующие, — бросил на меня удивленный взгляд торопящийся вернуться к столу служащий Надзорного ведомства.

— Ну тогда понятно, — удовлетворенно хмыкнул я, разом разобравшись в том, отчего на Коуриджской каторге не продохнуть от смрада. Выделка кожи — это дело такое. Крайне нужное и выгодное, но жуть какое вонючее.

— Неужели вы не знали о нашей деятельности, сэр Кэрридан? — поинтересовался как бы между прочим Бартинелли.

Я отрицательно помотал головой, не став, впрочем, просвещать своего спутника о том, что до четвертого дня даже слышать не слышал о Коуриджской каторге, а о том, что здесь пребывает Энжель, даже в страшном сне не представлял.

На это старший триарх с какой-то даже обидой провозгласил:

— А ведь наша каторга как-никак почти треть потребностей коронных служб в кожах и крашеном сукне закрывает!

— Ничего себе!

Названный объем произвел на меня неизгладимое впечатление. У меня даже воображение спасовало при попытке представить себе подобную гору кожи и сукна... Я с любопытством спросил:

— Сколько же у вас народа занято этим делом, что вы можете позволить себе выдавать такие чудовищные объемы продукции?

— Ровно две дюжины вольнонаемных мастеров и каторжанок тысяча четыреста без двух, — был дан мне исчерпывающий ответ на этот вопрос.

— Да уж, немало.

Теперь я уже совсем по-новому взглянул на жуткий охранный периметр каторги. Ведь если бы не эти невероятные барьеры, пробирающие до дрожи одним только своим видом, то, дабы полностью исключить побег, здесь пришлось бы держать охраны как бы не пару сотен человек. Коих здесь явно не наблюдается. Пара человек у калитки, к которой меня тянет Бартинелли и которая сделана в заборе из все тех же колючих стальных нитей, натянутых, словно струны, меж редких металлических столбов-опор в четыре ярда высотой, отделяющих территорию складов от остальной части каторги. Шесть человек у внешних и внутренних ворот и еще сколько-то — всех сразу мне не видно — слоняется по посыпанной гравием тропинке вдоль ограды, не иначе как обходя периметр. Ну и плюс их обязательная смена. То есть общим счетом — порядка тридцати человек. Ну максимум — сорок, если здешними пра-

вилами предусмотрено наличие какой-нибудь тревожной группы немедленного реагирования. И это при том, что томятся здесь почти полторы тысячи каторжанок...

Нет, можно, конечно, допустить, что большая часть охраны где-то от меня прячется, но я с ходу отмел это предположение как совсем уж нелепое. Ибо я же не проверяющий какой-нибудь из столицы, чтобы еще до моего появления все по норам разбегались и не спешили нос казать.

Меж тем мы минули калитку, открытую без лишних слов для нас охраной, и выбрались, таким образом, со складской территории. Вдоль колючей ограды двинулись по набитой тропке к высокому зданию из обожженного кирпича, над многочисленными высокими тонкими трубами которого курился легкий, почти мгновенно рассеивающийся дымок. Оттуда несло резким специфическим запахом алхимических веществ.

Минуты три спустя мы добрались до этого строения. Дошли практически до его входа, выполненного в форме широких ворот, что в данный момент были распахнуты настежь.

— Обождите, сэръ Кэрридан, — вдруг остановил меня старший триарх, в последний момент не дав ступить с тропки, по которой мы сюда пришли, на накатанную гравийную дорогу, уходящую от ворот здания куда-то в глубь каторги. И добавил, вынуждая отступить еще дальше назад от этого бледного подобия имперского тракта и кивая на проем ворот: — Надо их пропустить.

— Кого «их»? — не врубился поначалу я, наблюдая лишь дюжую женщину в черном форменном мундире надзирателя, вышедшую из ворот и неспешно двинувшуюся по дороге.

Но дополнительных разъяснений от Бартинелли не потребовалось. Уже мгновением позже ситуация прояснилась. Следом за надзирательницей, повернувшей голову в нашу сторону и коротким кивком поприветствовавшей моего сопровождающего, из ворот обители алхимиков выползла телега с поставленной на нее на попа большой трехсотведерной бочкой. Влекомая четверкой каторжанок...

На них я, затаив дыхание, и уставился во все глаза, ища знакомые черты лица. Но нет, среди этой четверки здешних узниц, со зримой натугой тащащих груженую телегу, а оттого, похоже, не видящих вокруг ничего, кроме стелющейся под ноги дороги, Энжель не оказалось. Почудилось мне... Ничего

общего, кроме роста и хрупкости телосложения, крайняя справа девушка со златовлаской не имеет.

Поскрипывая плохо смазанными осями и похрустывая гравием, старая телега, вся покрытая черными язвами, словно оставленными пламенем, проползла мимо нас, молча стоящих на обочине. Вцепившиеся попарно в оглобли каторжанки в затасканных платьях из простого неокрашенного сукна, пестрящих разноцветными и разномастными заплатками, и в таких же платках, будто и не заметили нашего присутствия. Как шли себе, чуть склонившись вперед и глядя себе под ноги, так и проследовали мимо, не удостоив нас ни косым взглядом, ни каким-то словом...

Хотя нет, я ошибся, слова все же были. Нужно было только чуть напрячь слух. Та малышка, которую я принял за Энжель и которой в силу ее сложения явно приходится тяжелее всех, что-то беззвучно шепчет... Молится, что ли? Или нет... Считает! Считает шаги!

Сглотив внезапно возникший в горле комок, я возмущенно обратился к своему сопровождающему:

— А мула какого-нибудь или вола для этих целей нельзя было приспособить? Вместо того чтобы использовать каторжанок как ломовых лошадей?

— Да как же можно, сэр Кэрридан?! — выпучил на меня глаза старший триарх, отчего-то внезапно шокированный моими словами. И спросил с не меньшим, нежели мое, возмущением: — Как же можно так над животными издеваться?!

— В смысле? — опешив, с откровенным недоумением уставился я на него.

— Ведь концентрированный алхимический реагент, применяющийся нашими мастерами при дублении кожи, штука очень едкая! — ответил с осуждением смотрящий на меня Бартинелли. — Я бы сказал даже — обжигающе едкая! И если плеснет случайно из-под крышки бочки при транспортировке... То бедное животное с ума от боли сойдет!

— И что? Нельзя ничего придумать? К примеру, лошадь добротной попоной прикрыть? — не успокоился я.

— Да попону реагент проест моментально! Обернуться даже не успеешь! — заверил Бартинелли.

— Н-да уж, — только и смог ошеломленно вымолвить я, покачав головой и посмотрев вслед бедным каторжанкам. Их,

в отличие от животных, тут, похоже, никто жалеть не собирается.

— Да не переживайте вы за них, сэр Кэрридан. Аккуратно тащить будут — так не расплещут реагент, — поспешно успокоил меня старший триарх. Вот только весь эффект убило его следующее глубокомысленное замечание, сделанное после неловой паузы: — Ну а нет — так сами виноваты.

— Да, все-таки для того чтобы надзирателем быть, особый характер нужен, — не сдержав чувств, сердито бросил я.

— Ну вы прямо нас за злодеев каких-то держите, сэр Кэрридан! — малость уязвленно высказался на это Бартинелли, одернув мундир и заговорив на повышенных тонах: — И никак не хотите принять тот факт, что у нас здесь как-никак каторга! Каторга! А отнюдь не пансионат для благородных девиц!

— Я это прекрасно осознаю, — поморщившись, возразил я и нахмурился. — Но с женщинами, по-моему, можно было бы обходиться и помягче.

— Да для них и так особый режим предусмотрен, — заявил, сбавив тон, старший триарх. — Не то что для мужчин. — Он начал загибать пальцы на правой руке, перечисляя существующие на женской каторге послабления: — У наших же заключенных и сокращенный на два часа рабочий день в праздники, и право на свидание единожды в год имеется, и свободная переписка с родными и близкими разрешена! Да что там говорить, — вдруг махнул он рукой, — если у них даже выходные есть!

— Ну если выходные, то конечно! — не сдержавшись, фыркнул я.

— Зря вы так, сэр Кэрридан, — осуждающе покачал головой Оскар Бартинелли. — Зря. Да, конечно, работать у нас осужденным приходится в поте лица... Но и не более того. Никто над ними тут не измывается, к какой-то своей злодейской радости, и не притесняет. Все согласно букве уложения «О лицах, приговоренных к каторжным работам». А простой, хоть и тяжкий труд, он, уж извините за прямоту, даже леди только на пользу.

— Ладно, признаю, был не вполне прав, — медленно произнес я, немного смущенный отповедью старшего триарха.

Потерев лоб, я встряхнулся. Это дабы хоть немного себя в чувство привести. А то уже загоняться стал не на шутку, не по

делу нагнетая обстановку и на всех каторжанок перенося ангельский образ Энжень. Отчего совершенно неуместным сочувствием ко всем ним проникаю. Видимо, четвертые сутки без сна дают о себе знать, жутким образом критичность восприятия нарушая.

— Да чего уж там, — легкомысленно отмахнулся старший триарх.

Похоже, он не раз сталкивался с подобными несправедливыми упреками, исходящими от родни и знакомых пребывающих тут каторжанок, в изуверском обращении с ними. Мотнув головой в сторону строения, к которому мы направлялись, Бартинелли сказал:

— Дорога уже свободна, идемте.

И мы пошли дальше. Выбрались на дорогу, по которой только что проследовала телега с дубильным реагентом, и проследовали по ней к логову местных алхимиков.

Внутри я, правда, зайти так и не смог... Остался стоять у входа, заткнув нос рукавом. Ну совершенно нечем оказалось здесь дышать!

Мой же сопровождающий, поглядев на меня и попросив его чуть подождать, преспокойно вошел в здание. Быстро пересекши небольшую площадку, исчез из виду среди сушей фантазмагии покрытых инеем разномастных металлических бочек, парящих открытых чанов, огромных дрожащих котлов и хаотичного сплетения труб, трубок и желобов.

Удивительная, прямо скажем, открылась моему взору картина. Захватывающая даже. Настолько захватывающая, что, разглядывая здешнее алхимическое производство, я и не заметил, как вернулся мой сопровождающий. Спыхватился и опомнился, только когда он сунул мне в руки побрякушку — серебряный кулон на тонкой цепочке того же металла с небольшим, ромбовидным, стекляннопоблескивающим кристаллом мутно-зеленого цвета, навряд ли драгоценным.

— Вот, сэр Кэрридан, возьмите и задействуйте, — велел старший триарх.

Я послушался. Цепочку на шею нацепил, кулон в левой руке легонько сжал и отправил в него ментальный посыл-приказ. И о диво, с едва слышимым хлопком вокруг меня расширяющимся пузырем немедля разлетелась зеленая дымка, тут же развеившаяся, а тревожащий обоняние мерзкий запах

мгновенно исчез! Полностью! Что позволило мне вздохнуть наконец полной грудью.

— А отличная штука этот ваш доработанный «Поглощающий покров Воздуха»! Сразу видно — мастер делал, — не удержался я от комплимента в адрес тутошнего алхимика, сотворившего такое облегчение для людей, работающих на столь благоухающем производстве.

— Да, доработанный «Поглощающий покров Воздуха» и в самом деле отличная штука, — согласился старший триарх и похвастался: — Личная разработка нашего мастера-алхимика тьера Морина!

— Передайте ему мое восхищение его работой, — сказал я, с удовольствием дыша чистым воздухом. У меня даже настроение начало подниматься.

— Да вы и сами можете это сделать, — сказал вдруг обернувшийся Бартинелли. — Вот же и он. — Старший триарх кивком указал на тщедушного мужичка возрастом далеко за полтинник, в обычной серой робе, не иначе как выбравшегося из своего фантазмагорического логова, дабы полюбопытствовать, кому понадобилось его изделие.

— Прекрасная работа, мастер, — обратился я уже к нему, касаясь левой рукой кулона, и тут же полюбопытствовал: — А скажите, этот ваш доработанный «Поглощающий покров Воздуха» действует как-то выборочно? Или совершенно все запахи поглощает?

— Абсолютно все, — ответил приблизившийся к нам мастер Морин. — Оставляет один лишь чистый воздух. Дело в том, что полную фильтрацию воздушной среды много проще делать, нежели выборочную, по каким-то параметрам, — соизволил он пояснить, видя мой неподдельный интерес к его работе.

— То есть доработанный вами эффектор магического воздействия не только с отвратными запахами борется? — задумчиво уточнил я.

— Да нет, что вы, — усмехнулся мастер. — Этот — теперь уже магаалхимический — эффектор воздействия разработан мной по запросу Военного ведомства для очистки воздуха от боевых отравляющих веществ. А все остальное — это, так сказать, всего лишь интересный сопутствующий эффект. — Морин с сожалением вздохнул. — Увы, пока не удастся решить главную проблему моей разработки — высокую энергоем-

кость поддерживающего заклинания, на котором она зиждется. В развернутом состоянии эта вещь поглощает не меньше, чем магический щит пятой ступени.

— А с этим что не так? — не понял я.

— Цена, — кратко пояснил вмешавшийся в разговор Бартинелли.

— Да, цена, — печально кивнул мастер-алхимик. — Стационарные изделия такого типа приняты у меня Военным ведомством без оговорок, а вот индивидуальная защита... Над ней я пока бьюсь. И решения проблемы не вижу. Недорогие кристаллы, при условии приемлемости их размеров, не отвечают требованиям по емкости, а драгоценные или полудрагоценные камни в качестве накопителя обходятся слишком дорого.

— Поэтому вы и вставили в кулон не природный, а магически выращенный кристалл? — спросил я, вертя в руке безделушку.

— Да, сейчас я экспериментирую с ними. Может, удастся подобрать удобоваримый баланс стоимости и емкости накопителя, — вздохнул явно переживающий за свою работу мастер.

— И что, есть успехи? — поинтересовался я.

— В какой-то мере, — немного уклончиво ответил мастер Морин. — Пока мне удалось снизить затраты на создание одного эффектора лишь с шести до почти четырех золотых.

— Да, все равно выходит дороговато, — поделился я своим мнением, подумав: «Военное ведомство, несмотря на всю полезность этой защиты, столь дорогие вещицы закупать явно не станет. Ибо никакой казны не хватит, чтобы всю армию такими эффекторами экипировать».

— Дороговато, — согласился мастер-алхимик и повернулся, чтобы уйти.

— Постойте! — окликнул я его, озаренный одной идеей. И спросил, когда мастер обернулся: — А как насчет дыма и пыли? С ними ваша разработка борется успешно?

— С дымом и пылью вообще нет никаких проблем, — пожал плечами удивленный моим вопросом алхимик. — С ними доработанный «Поглощающий покров Воздуха» справляется при минимальном расходе энергии.

— Отлично! — обрадовался я и решительно полез в суму — за деньгами.

— Что вы делаете, сэр Кэрридан? — спросил удивленный моими действиями Бартинелли.

— Хочу пару таких эффекторов у мастера Морина прикупить, — пояснил я, добравшись до своего кошелька. Вытащив его из сумы, утвердительным тоном спросил у своих собеседников: — Надеюсь, это возможно?

Старший триарх не смог ответить на этот вопрос и в некотором замешательстве уставился на мастера-алхимика. А тот, помедлив чуть, пожал плечами:

— Да почему же нет? Сейчас еще один принесу! — спешно засобирился он в свое логово.

«Тебе бы только деньги спускать на всякую ерунду!» — проворчал недовольный предстоящими тратами бес.

«Никакая это не ерунда, а крайне полезная штука, защищающая от всякой гадости, развеянной в воздухе», — осадил я этого жмота. В памяти-то еще живо яркое воспоминание о том, как нас чуть не взяли тепленькими охотники на чужих демониц, сбросив с высоты мешки с удушающей пылью. И если бы не гуляющий на месте боя ветер, все могло бы сложиться куда как печальнее... Так что стоит позаботиться о том, чтобы подобная ситуация в принципе не могла повториться. И десятка золотых за это нисколько не жалко.

Бес посопел-посопел, но спорить со мной не стал. И ему, видать, очевидна вся полезность такого приобретения, продаваемого, по сути, совсем недорого. Ведь всего-то в девять золотых мне обошлись два кулона — тот, что висел на моей шее, и тот, с камнем менее насыщенного оттенка, что вскоре вынес мастер Морин.

В общем, расстались мы, весьма довольные друг другом. Я радовался тому, какую полезную защиту приобрел для себя и для Кейтлин, а алхимик — что возместил свои затраты на какую-то часть экспериментальных изделий.

— Ну что, сэр Кэрридан, теперь можно и перекусить? — потеряв руки, спросил Бартинелли по завершении сделки.

— Да, теперь можно, — согласно кивнул я, приходя в хорошее расположение духа.

Только насчет того, где состоится наша трапеза, я ошибся. Мы не вернулись от логова алхимиков назад, к харчевне у конюшни, как я того ожидал. Нет, вместо этого мы пошли по гравийной дороге в глубь каторги. Свернули на ближайшем ответвлении налево и проследовали мимо красивого белого

двухэтажного здания каторжного управления, разбитого словно посреди цветника, к вытянутому, приземистому строению из обожженного кирпича под черепичной крышей.

— А это у вас тут что? Ульи, что ли? — удивленно спросил я, глядя на выстроившиеся в пространстве между этими строениями четыре ровнехоньких ряда, по дюжине штук в каждом, прямоугольных металлических коробов на коротеньких ножках, с круглыми дырками-летками.

— Да нет, какие же это ульи? — рассмеялся сопровождающий.

— Но тогда что же это такое? — недоуменно осведомился я.

Ведь все это жутко похоже на пасеку. За исключением того, что ульи никто из металла не делает. Ибо никакой мед их изготовление не окупит. И уж тем более не создают для пчел жилища таких больших размеров, три на три и на пять футов.

— Ну... — затруднился отчего-то поначалу с четким ответом Бартинелли. — Ну... — Однако затем все же объяснил: — Все дело в том, сэр Кэрридан, что, как вам, надеюсь, известно, каторжными правилами запрещено применение телесных наказаний в отношении заключенных женского пола. Но тем не менее принудить их к соблюдению режима как-то нужно. Ну и вот, сами видите... — закружился он, разведя руками. Потом вздохнул, глядя на мое непонимающее выражение лица, и прямо сказал: — Карцер это наш, сэр Кэрридан. Карцер.

«Вот это уже действительно жестоко», — ошеломленно подумал я, созерцая металлические шкафы-короба. Покосившись на своего сопровождающего, пребывающего в полной безмятежности, решил: все же не зря служащих Надзорного ведомства в излишней черствости упрекают. Не зря... Измыслить такой карцер, где летом задыхаешься от невыносимой духоты, а зимой коченеешь от ледящего холода, это... это я даже не знаю, кем надо быть.

Однако вслух говорить ничего не стал, благоразумно решив не обострять. Да и не стоит мне, собственно, за всех каторжанок переживать. Будем надеяться, если их и наказывают, то исключительно за дело. А Энжель... Энжель наверняка и не подозревает о существовании на каторге такого жуткого карцера. С чего бы ей бунтовать и здешним правилам не подчиняться? Так что я только головой покачал, и мы двинулись дальше.

Вскоре добрались до строения, соседствующего со зданием каторжного правления, и поднялись на широкое и невысокое,

в две ступеньки всего, крыльцо. Миновав широченную дверь, зашли внутрь. И очутились в огромном, чуть ли не на все это здание, зале, заставленном в строгом порядке обычными дубовыми столами и лавками. Но хоть и простецкая внутри оказалась обстановка, из «излишеств» — только расшитые занавески на многочисленных окнах и стоящие на подоконниках в глиняных горшках цветы, я все же удовлетворенно кивнул. Ибо роскошь — не главное. Куда важнее то, что чистенько везде, буквально вылизано. Видно, что следят.

Впрочем, хотя я бы не побрезговал сесть за любой из имеющихся здесь выскобленных до белизны столов, старший триарх мне этого не предложил. Дальше повел. В следующий, имеющий куда более скромные размеры, зал. Тут стояли застеленные белоснежными скатертями небольшие, на четырех человек, столы, вместо лавок — мягкие стулья, и все такое приличествующее не самой захудалой столичной таверне.

— Однако, — покачал я головой, остановившись на входе в этот зал и изумленно его обозревая.

— Идемте-идемте, сэра Кэрридан! — мягко подхватил меня под руку и потащил дальше заулыбавшийся Бартинелли. Ему, похоже, приятно польстило невольное сорвавшееся с моих уст восклицание. — Зал-то что, а вотстряпня нашего повара... Вот где настоящее чудо, — доверительно сообщил он.

За одним из столов, у стены, мы и уселись. Бартинелли тут же велел выглянувшей из кухни дородной женщине — явно не каторжанке, в белом фартуке поверх цветастого платья, принести нам поесть. Ну и, разумеется, выпить. Вот так вот...

Женщина эта, не то кухарка, не то прислуга, оказалась довольно расторопной особой. Уже вскоре я смог оценить здешнюю кухню. С удовольствием отведал превосходно приготовленной молодой телятины, поджаренной в сладком томатном соусе, с отварным картофелем и овощами, что были поданы на серебряном блюде. Пригубил легкого красного вина, отменного на вкус. После чего подивился про себя тому, как славно здесь кормят надзирателей, — как аристократов каких-то.

Не съехидничать на эту тему я, понятно, не смог. И произнес вслух, не обращаясь вроде бы ни к кому:

— Интересно, а заключенных так же потчуют? А то, сдается мне, многие мои знакомые из портового квартала Кельма были бы не прочь поменяться с кем-нибудь из них местами.

Бартинелли на подколку не ответил. Сделал вид, что жуть как поглощен пиршеством желудка. И вообще — когда он ест, то глух и нем. Ну да я и не сомневался даже, что каторжанки здесь питаются совсем иначе. Не про их честь столь шикарно приготовленные блюда.

— Ну и как вам, сэр Кэрридан? — обратился ко мне с вопросом по завершении трапезы Бартинелли, прикладываясь к бокалу с вином.

— Спасибо, все весьма и весьма, — похвалил я здешнюю кухню, ничуть не покривив при этом душой.

— А все благодаря заботе нашего начальника — эйра Риатиса, — назидательно подняв указательный палец, с некоторым самодовольством сообщил Бартинелли. — Аж из самой столицы герцогства отличного повара к нам сманил!

— Да ну, правда, что ли? Прямо из столицы герцогства? — изобразил я для поддержания разговора некоторое недоверие.

— Истинная правда! — клятвенно заверил старший триарх и привел убийственный аргумент: — Да вы ведь сами могли оценить, насколько отлично все приготовлено! Ну разве мог такое чудо сотворить какой-нибудь неумеха из деревенского трактира?

— Действительно, — не мог не согласиться я. — Чтобы поданная к столу телятина так и таяла во рту, нужно быть отменным поваром. Единственное, несколько непривычно что-то есть, не ощущая при этом никакого запаха, — улыбнулся я.

— А, ну это да, это да, — рассмеялся старший триарх.

Глотнув еще вина, Бартинелли замолчал. О чем-то задумался. О чем-то, отличном от прекрасной трапезы, судя по тому, что его лицо приобрело серьезный вид. Да и взгляд у него стал какой-то... оценивающий, что ли, словно Бартинелли решал, достоин я чего-то или нет.

— Но вообще я совсем не о том хотел с вами поговорить, сэр Кэрридан, — наконец решился он, прекратив меня разглядывать.

— А о чем же? — благожелательно осведомился я.

— Видите ли, сэр Кэрридан... — замялся Бартинелли. — Тут такое дело... Даже и не знаю, как вам все это преподнести.

— Да говорите как есть, — махнул я рукой, поощряя его к продолжению, прежде чем приложиться к бокалу с вином.

— Сэр Кэрридан, я бы на вашем месте не настраивался на то, что вы заберете отсюда ди Самери сразу по приезду эйра

Риатиса, — выдержав небольшую драматическую паузу, ого-рошил меня Бартинелли.

— Это еще почему? — буквально окаменел я, моментально утрачивая вкус к вину.

— Да нет, сэра Кэрридан, вы не подумайте ничего такого, — немедля вскинул ладони в успокаивающем жесте старший триарх. — С нашей стороны никаких проблем тут нет. Наше дело ведь маленькое — всего лишь неукоснительно исполнить полученное распоряжение. Что, собственно, мы и намерева...

— Тогда в чем же дело? — перебил я словоизлияния Оскара, желая поскорее добраться до сути проблемы.

— Да это наши судейские все воду мутят, за компанию с магистратскими, — досадливо поморщился он.

— В смысле? — уставился я на него, не поняв ровным сче-том ничего.

Судейские какие-то... магистратские... когда я на каторгу приехал, а не к ним.

— Ну ведь сам факт передачи осужденной на поруки дол-жен быть еще и оформлен надлежащим образом, сэра Кэрри-дан, — отставив бокал с вином и сцепив кисти рук в замок, на-чал объяснять старший триарх. — А сделать это не так-то про-сто, как кажется. Ведь нужно уведомить судейских из Коуридж-жа, добиться назначения даты рассмотрения, решить в магистрате вопрос о выделении конвоя для доставки осужден-ной на место, поставить об этом в известность Первую упра-ву... Ну и так далее.

— Ничего себе, — растерянно протянул я.

— В общем, как понимаете, — подытожил Бартинелли, — формальностей достаточно. Чем эти чинуши, собственно, и пользуются! — добавил он с неприкрытым возмущением.

— Но... но каким образом все эти формальности касаются меня и леди Энжель? — совершенно растерявшись, тупо спро-сил я. — Разве она здесь не находится исключительно по не-гласному распоряжению Охранной управы?

— По какому еще негласному распоряжению? — выпучил на меня Бартинелли глаза. Недоуменно ими похлопав, он оза-даченно спросил: — Как вы себе это вообще представляете, сэра Кэрридан? Мы же никак не можем содержать на каторге лицо без соответствующего судебного приговора.

— Ну Кован... ну с-собака серая, — не сдержав чувств, зло выдал я.

Выбил меня такой поворот событий из колеи, что уж тут и говорить, выбил. Никак я не ожидал, что ас-тарх не удовольствуется обычной для Охранки игрой и реально отдаст Энж под суд! А он... Ну гад! Без шуток отправил златовласку на каторгу! И она здесь действительно отбывает срок.

Пообещав себе поквитаться при случае с этим тайным выкормышем темных и чуть уняв, таким образом, нахлынувшую ярость, я закидал своего собеседника теми вопросами, что напрашивались сами собой:

— И на кой демон этим вашим судейским и магистратским воду мутить? Чего они хотят добиться этим? Вражда у них тут с вами, что ли, какая-то?

— Да нет, никакой вражды нет, — отрицательно мотнул головой старший триарх и криво усмехнулся. — Просто жадность их нешуточная обуяла.

— Жадность? — переспросил я.

— Ну да, — кивнул Оскар. Чуть склонившись над столом, он принялся объяснять: — Раньше-то все проще было. Судейские и магистратские просто присылали сюда своих представителей и оформляли все это дело как выездное заседание суда. Заверяли быстренько бумаги, да и делу конец — все довольны и отправляются по домам.

— А теперь почему так не делают? — нахмурившись, осведомился я у Оскара, сделавшего паузу, чтобы пригубить вина.

— Дело в том, сэръ Кэрридан... — задумчиво начал старший триарх, явно подбирая слова. Сделав еще крохотный глоток из бокала, он все же предпринял попытку раскрыть без лишних заумностей явно запутанную ситуацию: — Дело в том, что наша каторга не вполне обычная. Ведь у нас содержатся исключительно те осужденные, что прежде не имели проблем с законом. Ну или просто не попадались ранее ни разу. А к таким лицам несколько особое отношение. Подразумевающее под собой то, что любая из наших каторжанок по истечении определенного срока и при отсутствии существенных замечаний по ходатайству руководства каторги может быть отпущена на поруки... Если, конечно, найдется человек, готовый держать за нее ответ. — Оскар развел руками: — Так что, как понимаете, ваш случай у нас отнюдь не уникальный.

— Это ясно, — кивнул я, усваивая сказанное, и настойчиво спросил: — Но что здесь не так-то? Отчего судейские против этого дела ополчились?

— Да все так, — отмахнулся Оскар. — Просто однажды, еще до того как я сюда прибыл служить, одну из каторжанок приехали забирать родители. Из купеческого сословия. Подождать день-два, потребные для улаживания всех формальностей, не захотели. Ну и взяли да сунули взятку для ускорения дела... отсыпав и судейским, и магистратским золотишка с лихвой. А тем это, понятно, очень понравилось...

— Да уж наверняка! — не удержался я от сарказма.

— Вот с тех самых пор и начали они всячески затягивать рассмотрение дел по передаче каторжанок на поруки, дабы прибывшие за ними люди несли этим прохиндеям деньги для ускорения процесса, — наконец донес до меня Оскар то, до чего я уже и сам дошел своим умом.

«А-ха-ха! — возопил чутко прислушивающийся к разговору бес и аж запрыгал. — Теперь понятно, почему обычная каторга так серьезно запечатана! Кто ж позволит деньгам удрать?!»

«Это ты к чему вообще брякнул?» — недоуменно спросил я у возбужденно скачущего паршивца.

«Ай, что тебе, ослу, объяснять! — отмахнулся он от меня. — Все одно без толку! — Закатив глазки, рогатый вдохновенно выдал: — А как умно придумано, как умно... На абсолютно законных основаниях устраиваем каторжанкам совершенно невыносимые условия, как бы мимоходом уведомляя при этом о существовании практики передачи осужденных на поруки, и оставляем для них возможность связаться с родными и близкими путем переписки... И пожалуйста, те, не выдержав потока текущих по бумаге слез, мчатся вытаскивать свое умоляющее о спасении чадо из столь ужасного места! И денежки с собой везут! За ходатайство — каторжным властям и за быстрое оформление — судейским!»

«А ведь похоже на правду», — мелькнула у меня крамольная мысль, заставившая с подозрением уставиться на этого болтуна Бартинелли.

— И сколько, как вы думаете, судейские станут меня томить?

— Да не беспокойтесь, сэр Кэрридан, — вроде как успокаивающе произнес Бартинелли, открыто глядя мне в глаза. — Вряд ли долго.

— А конкретней никак? — нахмурился я.

— Ну... — призадумался ненадолго старший триарх. Откинувшись на спинку стула, он пожал плечами и с некоторым

сомнением произнес: — Пару-тройку дней, может... — Запнулся, не договорив, и после короткой паузы чуть увереннее сказал: — Ну или неделю... — Да тут же добавил озабоченно: — Вряд ли две... — И совсем уж убежденно заключил: — А уж до конца отпущенного им по закону на это дело месяца точно тянуть не решатся.

На что я только головой ошалело покачал.

— А если... дать? — Я потер друг об друга большой и указательный пальцы.

— Да зачем вам это нужно, сэр Кэрридан? Деньги зазря тратить? Я вас уверяю — ничего с вашей ди Самери не случится, если она еще некоторое время проведет у нас, — предпринял Оскар довольно убедительную попытку отговорить меня от этой затеи.

— Ну а все же? — проявил я упорство, проигнорировав слова старшего триарха.

— Если пройдохам этим дать, то сегодня же все обстряпают, — помолчав, вздохнул он, отводя глаза. — Там же дела, по сути, всего ничего — пяток бумаг заполнить и подмахнуть.

— И сколько, по-вашему, чинуши сдерут с меня за это? — поинтересовался я, а бес наострил уши.

— Ну... — вновь затруднился поначалу с ответом старший триарх. Ну или сделал вид. А потом, смерив меня оценивающим взглядом, принялся вроде как вслух рассуждать: — То, что вы из благородных, сэр Кэрридан, эти жадюги сразу выяснят. А значит, даже своей высшей ставкой в полтора десятка золотых вряд ли удовольствуются. Тут они, пожалуй, все полсотни захотят...

— Полсотни золотых ролдо? — переспросил я, чувствуя, как у меня сами собой поднимаются брови. У нас-то в кельмском магистрате чинуши довольствуются серебром. А то и медью!

А малость пришибленный затребованной суммой бес немедля велел: «Поехали обратно в Римхол! Там за такие деньги можно целый бордель выкупить, а не одну девицу!»

— Да, этого, полагаю, будет достаточно, — довольно уверенно ответил старший триарх.

— Ладно, ладно, это не проблема, — пробормотал я, прикидывая свои возможности.

Не ждать же мне и впрямь, когда дело само собой утрясется? Нет, если бы не насущная необходимость как можно быст-

рее вернуться в Римхол, пока какие-нибудь злодеи не измыслили еще чего-нибудь против Кейтлин, можно было бы устроить здесь небольшой переполох, уплатив в итоге много меньше названной суммы — всего-то пару-тройку штрафов, максимум пять золотых ролдо каждый, за телесные повреждения отдельным слишком алчным прохиндеям... Но увы, увы... Времени у меня на это просто нет.

Я задумчиво посмотрел на собеседника:

— А вы можете как-то поспособствовать моему делу? Мне-то еще искать придется невесть сколько, к кому там обратиться.

— Даже не знаю, — замялся приличия ради старший триарх. А потом, вроде как делая одолжение, вздохнул: — Ну если вы всерьез настроены пойти у этих прощелыг на поводу... То я не вправе удерживать вас от этого крайне опрометчивого и совсем не обязательного шага. Тем более что могу понять ваше желание поскорее вытащить с каторги крошку ди Самери. Ей действительно здесь не место. — Он пожевал губами. — В общем, помочь вам в этом, думаю, я вполне способен.

«Этот тоже в деле! — немедля констатировал я. — Ибо даже не засомневался в своей способности все это провернуть. Что в принципе невозможно, если ты ни разу этого не делал. И нечего на судейских пенять — вы с ними в плотной связке работаете!»

Но рвущуюся наружу злость я все же сдержал. Пересилил себя и, чуть успокоившись, полез в суму. Куда перед отъездом, повинувшись не иначе как какому-то наитию, сунул банковский вексель в придачу к звонкой монете. На целую сотню золотых ролдо.

Его-то я и вытащил, протянув Бартинелли, который заметно оживился при виде прописанной в документе суммы.

— Я могу надеяться?.. — вопросительно посмотрел я на собеседника.

— Даже не сомневайтесь, сэр Кэрридан! — заверил старший триарх, проникновенно заглядывая мне в глаза. — Все будет сделано в лучшем виде. Я сейчас же этим вопросом займусь и пошлю кого-нибудь в город — выдернуть нужных людей. Буквально в течение пары часов все организуется.

«Транжира!» — кратко и очень емко обличил меня после этого действия надувшийся бес. Скрестив лапки на груди, он гордо отворотил рыло. Показывая таким нехитрым образом

свою обиду. Обиду на то, что я проигнорировал все его увещевания. По его мнению, никакая, даже самая распрекрасная девушка не стоит таких трат, денежки можно потратить и с большим умом. А уж переплачивать вдвое, вместо того чтобы поторговаться и скостить цену, — это и вовсе полная дурость.

«Да уймись ты, — досадливо поморщился я в ответ на этот демарш. — Деньги — дело наживное, добудем еще. А вот эти крохоборы скоро будут им совсем не рады. И горько расскаются в том, что вообще решили с меня взятку слупить». — Я подавил недобрую ухмылку.

«Ага, расскаются! Как же! — фыркнул явно не поверивший мне бес. — Если только в том, что мало затребовали! — Посопев, он буркнул, глядя, как исчезает банковский вексель на сотню золотых в кармане мундира Оскара Бартинелли: — А денежки тью-тью! И никто их тебе уже не вернет!»

«Это ты так думаешь», — не согласился я.

«Не думаю, а уверен! — отрезал рогатый. — Тут явно действует целая организация. Причем не сама по себе, а под крылышком кого-то очень-очень влиятельного. Судя по тому, что вымогатели не стесняются открыто показывать, что живут они на широкую ногу. Так что здесь тебе даже Кован не помощник. А сам ты ничего не сделаешь. Потому что осел!»

«Ну это мы еще посмотрим, сделаю я что-нибудь или нет», — многообещающе протянул я.

Меж тем я, похоже, перестал быть интересен Бартинелли. Он быстренько попытался избавиться от меня под предлогом крайней необходимости заняться моим делом. Что, впрочем, получило мое полное одобрение.

Одним словом, едва я допил вино, как был незамедлительно препровожден в здание администрации каторги. Где в связи с ранней порой не было еще никого из обретающихся здесь обычно служащих Надзорного ведомства. Только в просторном холле отирались двое сонных охранников, мигом подбравшихся при нашем появлении, а больше-то и не видно никого.

В холле, однако, мы не задержались. Дальше по коридору прошли. Остановились у одной из многочисленных дверей. Оскар отпер ее, и мы вошли внутрь. Очувтившись в довольно просторной комнате с паркетным полом, со строгими бежевыми гобеленами на стенах и большим окном, наполовину прикрытым тяжелыми бархатными шторами.

«Прямо гостиная в богатом доме», — подумал я, глядя на стоящий посреди комнаты низенький лакированный столик с плетеным блюдом, где лежали фрукты, а также на четыре мягких кожаных кресла и небольшой диванчик, расставленные вокруг.

— Располагайтесь где вам удобнее, сэр Кэрридан, — радушно предложил старший триарх и удалился.

Пожав плечами, я принял предложение Оскара и устроился на приглянувшемся мне диванчике, с виду очень удобном. Суму свою только запыленную бросил рядом на пол и уселся. Ибо в ногах правды нет. А на диванчике сидеть — совсем не то же самое, что в седле.

В тепле и комфорте, да после неслабого перекуса, меня малость разморило. Дождаясь пропавшего куда-то Оскара, а между делом одухотворенно представляя, как вот-вот вызволю из здешних застенков Энжель, я начал клевать носом. Ну и... сам не заметил, как задремал... Резко проснулся, только услышав чьи-то шаги. Подкованными сапогами кто-то громко цокал по коридору, куда-то быстро направляясь... Да не куда-то, а именно сюда! Судя по резко прервавшемуся звуку шагов и провернувшейся дверной ручке.

Спасло меня от участи предстать перед неожиданно объявившимися гостями в неподобающем виде — безмятежно дрыхнувшим, развалившимся на их диванчике, — выработанное еще в бытность кельмским стражником крайне полезное умение спать вполглаза и моментально очухиваться. Едва дверь начала открываться, я резко провел рукой по лицу, сгоняя сон, и подскочил на ноги. И как ни в чем не бывало уставился на входящих в комнату людей.

Дверь распахнулась, и в мое пристанище заскочил какой-то усатый живчик лет сорока пяти — сорока семи в безупречно пошитом, явно на заказ и не у последнего портного, черном форменном мундире с отороченными серебром воротом и обшлагами рукавов. Он сразу направился ко мне, протягивая руку и с радушной улыбкой восклицая:

— Сэр Кэрридан!.. Рад, весьма рад!

Добравшись до меня, на мгновение приостановился и, не дожидаясь, когда его представит открывший рот Оскар, который зашел в комнату следом, прищелкнул каблуками начищенных до зеркального блеска высоких сапог и отрекомендовался:

— Эйр Матиас Риатис. Лиарх Надзорного ведомства и здешний начальник. — После чего схватил меня за руку и энергично ее потряс. Отпустив, тут же, не давая вымолвить ни слова, ухватил меня за плечо и потянул за собой: — Идемте, идемте же в мой кабинет.

— Одну минуту. — Осторожно освободившись из цепкой хватки начальника каторги, я поднял с пола у диванчика брошенную туда суму с документами и удовлетворенно заметил: — Вот теперь можно и идти.

— Оскар, — озабоченно обратился эйр Риатис к своему подчиненному, — что там у нас с оформлением?

— Я еще полтора часа назад послал почтальона Фирса за судейскими и магистратскими, — немедленно отчитался ставший немножко подобострастным старший триарх. — Практически сразу по приезде сэра Кэрридана. Так что они вот-вот должны быть здесь.

— Превосходно! — благосклонно кивнул ему начальник. — Давайте тогда сюда крошку ди Самери.

Оскар тут же умчался выполнять распоряжение. А я поспешил следом за эйром Матиасом Риатисом, двинувшимся прочь весьма быстрым шагом. Нагнав здешнего набольшего чуть дальше по коридору, довольно невежливо, с отчетливым холодком осведомился:

— Почему все здесь, включая вас, называют леди Энжель крошкой? Как это вообще понимать?

— А? Что? — обернулся ко мне начальник каторги, явно застигнутый врасплох столь неожиданным вопросом. А затем внезапно смущенно рассмеялся и повинился: — Простите великодушно, сэр Кэрридан. Это все местная специфика сказывается. В плане частого употребления служащими каторги прозвищ осужденных вместо присвоенных им номеров. Хотя, конечно, это не положено... Но вот никак, никак не можем данное дело побороть.

— И кто же это тут настолько умный решил прозвать леди Энжель так донельзя фамильярно? — сощурившись, поинтересовался я.

— Уж ни в коем случае не надзиратели! — воскликнул эйр Риатис. — Это делают сами осужденные. — После кратковременного погружения в раздумья он выдал: — Конкретно в случае с ди Самери — одна из наших, так сказать, старожилов постаралась, Магда-разбойница. Увидев приведенную на по-

строение ди Самери, Магда громко заметила... — И процитировал, проявив при этом недюжинный актерский талант, подражая голосу какой-то грубой бабищи: — Какая прелестная крошка к нам угодила. А я грешным делом думала, что таких ангелочков освобождают из-под стражи прямо в зале суда, признав невиновными в любом злодеянии, даже если их поймали рядом с горой разделанных трупов и с окровавленным тесаком в руках.

— Что ж, тогда ясно, — с определенным облегчением вздохнул я, разобравшись с этим вызывающим тревогу моментом.

— Да вы не волнуйтесь, сэр Кэрридан, никакого урона чести ди Самери за время пребывания у нас не случилось, — добавил, пряча усмешку, эйр Риатис, каким-то образом догадавшись о главной причине моих душевных терзаний, проявляющихся в таком вот ярко выраженном беспокойстве.

— Это радует, — смущенно буркнул я, чувствуя, что заливаюсь краской, и не зная, как отреагировать на такой пассаж.

— Не стоило в этом даже сомневаться, — воздев указательный палец, поучительным тоном заметил лиарх. — У нас все же приличная каторга, а не притон какой-нибудь.

— Я уже понял, эйр Риатис, — поспешно заверил я, желая свернуть ненароком поднятую тему, заставляющую меня сгорать от стыда.

— К тому же, — словно и не заметив прозвучавшего в моих словах намек на капитуляцию, глубокомысленно продолжил развивать начальник каторги, явно задетый за живое тем, что у кого-то вообще могут возникать какие-то сомнения в исключительной благочинности и благообразности порядков, царящих на вверенной ему территории, — в данном случае и в принципе не могло произойти ничего выходящего за рамки. Ибо все проходящие по Надзорному ведомству служащие нашей каторги были под роспись ознакомлены с приказом, завизированным Охранной управой, — обеспечить личную неприкосновенность данной осужденной.

— Я понял, эйр Риатис, — повторил я, и начальник каторги наконец унялся.

— Вот и хорошо, — кашлянув, удовлетворенно произнес он.

Но долго идти молча не смог. Вскоре он обернулся ко мне и, подмигнув, весело заметил:

— Впрочем, во всех этих предосторожностях и не было особой нужды. Учитывая, что крошка ди Самери и сама может за себя превосходно постоять.

— В смысле? — подобрался я, моментально настораживаясь.

— Да вот не так давно двое оборотов из внешней охраны решили зажать ее после ужина в укромном уголке, — без тени смущения начал повествовать начальник каторги, взмахом руки предлагая мне, непроизвольно замедлившему шаг, поторопиться и не отставать. — Поиграть им с эдакой красоткой захотелось...

— И... где сейчас эти скоты? — перебил я его, чувствуя, как у меня сами собой сжимаются кулаки и костенеет выступившая на них чешуя.

— Находятся на излечении! — хохотнул мой спутник, начиная подниматься по лестнице, до которой мы дошли. — Одному ди Самери сломала руку и напрочь отбила хозяйство — с полгода теперь по девкам не ходок, а другому и вовсе перебила гортань, да так, что его едва успели спасти.

— Ну это им еще повезло, — буркнул я, чуть охолонув и вспомнив о том, как однажды Энжель на моих глазах вмиг разделалась с настоящим демоном. — Могли бы и вовсе жизни лишиться.

— Это да, — легко согласился начальник каторги и поделился: — Не ожидали они просто такого от хрупкой девчонки, выглядящей так обманчиво беспомощно. Думали, раз ее магический дар ограничен, а связь с талиаром подавлена до такой степени, что ей потребны многие минуты, а не считанные мгновения, чтобы полностью лишить человека жизненной энергии, то ди Самери уже ничего собой не представляет как противник и окажется легкой добычей. — Риатис погрозил кому-то пальцем, улыбаясь. — Ан нет... Ошибочка вышла! Олухи! — громко хохотнул он.

— Н-да уж, — пробормотал я, пораженный.

— И ничему ведь их жизнь не учит! — продолжил, посмеиваясь, лиарх. — Ведь казалось бы, получили заслуженно по ушам, так отстаньте от добычи, что вам не по зубам. Но нет же... — Он укоризненно покачал головой, словно безмерно удивляясь людской глупости, и доверительно сообщил: — Приятели-то этих оборотов не усвоили урок и все грозят по-

квитаться за пострадавших дружков... Обещают ди Самери пойти на нее в следующий раз уже вчетвером. И с сетью.

— То есть у вас тут на каторге все замечательно? Беспокоиться об участи леди нечего? А что такие безобразия творятся — это так, ерунда?! — вспыхнул я, возмущенный откровениями лиарха до глубины души.

— Да какие же это безобразия? — с откровенным удивлением посмотрел на меня Эйр Риатис. Покачивая головой, он твердо сказал: — Нет, сэр Кэрридан, у нас все под полным контролем. — И назидательно добавил: — Какие-либо отношения у нас возможны только на добровольной основе. А за насилие в отношении осужденных охранник ли, надзиратель ли сам запросто может на каторгу угодить.

— Тогда как все это понимать? — нахмурился я, уже не понимая ровным счетом ничего.

— Как вмененное нам все тем же приказом Охранной управы максимально полное ознакомление ди Самери с каторжной жизнью и ее тяготами, — пожал плечами начальник каторги. — То есть суровую прозу жизни показываем ей, так сказать. Но реально девушке ничего не угрожало, так как она находится под неусыпным присмотром надзирателей, — заверил он.

— Ну и дела, — озадаченно почесав в затылке, пробормотал я.

И призадумался. Для чего это Ковану понадобилось спустить в отношении златовласки такой приказ, явно рассчитанный на то, чтобы ее запугать?..

Эйр Риатис больше ничего не сказал, и мы молча дошли до его кабинета, расположенного на втором этаже. Мой спутник отпер лакированную дверь фигурным ключом, и мы прошли внутрь. Лиарх сразу ловко метнул фуражку на вешалку и, любезно предложив мне располагаться, сел за огромный стол черного дерева. Когда же я устроился напротив него на мягком стуле, потребовал удостоверяющие личность документы. Очень внимательно, без спешки ознакомился с ними, пока я разглядывал с претензией обставленный кабинет. Удовлетворенно кивнув, вернул со словами:

— Что ж, все в порядке. — И неожиданно подмигнул. Правда, тут же соизволил пояснить свое странное поведение, видя мой озадаченный взгляд: — Поздравляю, сэр Кэрридан, очень

скоро вы получите эту прелесть, крошку ди Самери, под свою полную опеку.

— Под какую опеку? — тупо уставился я на собеседника. — Я же забираю ее на поруки.

— На поруки, на поруки, — подтвердил эйр Риатис. — Но при этом — под полную опеку! — откровенно заухмылявшись, уточнил он и опять подмигнул мне.

— Вы... вы с ума сошли, что ли? — ошеломленно спросил я, не в силах поверить в услышанное.

— А что же, ваш покровитель из Охранки не обрадовал вас сразу? — согнав с лица скабресную ухмылку, озабоченно осведомился эйр Риатис.

— Ну Кован... — заскрипел я зубами, моментально сообразив, откуда растут ноги у всей этой затеи.

Уже мысленно я продолжил изливать обуявшее меня негодование. Подставил так подставил, гад! Ведь полная опека — это совсем не то же самое, что обычная! Отличается от обычной в первую очередь наличием права действовать во вред подопечному лицу. Опекун даже может его убить. И ничего ему за это не будет. Нет, бесспорно, раньше, когда Одаренные только-только создали ритуалы обретения талиаров и фамилиаров, в подобном статусе была несомненная нужда. Для жертв неудачных попыток приобретения чужих способностей: для людей, что, помимо силы или выносливости, получали еще и звериную суть, которая иногда могла взять верх над их человечностью... Вот только те времена давно прошли! Сейчас уже почти нет таких бедолаг, которых родные, выступающие в роли опекунов, в периоды буйства вынуждены заковывать в цепи, а то и умерщвлять, если они вырываются на свободу и начинают убивать. Да, теперь полная опека применяется совсем для иного. И используется в основном в отношении лиц женского пола! Отчего носит в народе совсем иное название. А именно — «бесправная любовница»! Потому что опекунами в полной опеке выступают, как правило, всякие богатеи да знатные лорды, возжелавшие обзавестись девушкой для постельных утех, изначально неспособной доставить каких-либо хлопот. Просто в силу отсутствия у нее права спросить за реальные либо вымышленные обиды... А все из-за того, что одно время развелось чересчур много умниц — свести близкое знакомство с мало-мальски зажиточным человеком, а потом обвинить его во всех смертных грехах и на пару с ушлым пове-

ренным через суд лишить страдальца значительной части нажитого непосильным трудом состояния.

— Ах да, я же совсем позабыл, что вам нужно передать письмо! — легонько хлопнув себя раскрытой ладонью по лбу, негромко воскликнул эйр Риатис.

Выдвинув один из ящиков своего стола, он начал шустро в нем рыться. Быстро отыскал потребное и всучил мне письмо, скрепленное алой сургучной печатью с эмблемой Охранной управы.

Временно прекратив исходить на Кована желчью, я взял сие послание да не мешкая сломал грозную печать. Развернул письмо и погрузился в чтение.

«Приветствую вас, сэр Кэрридан! Надеюсь, вам передадут мое послание до того, как разнесете все там. Так вот, прошу вас воздержаться от опрометчивых поступков. Убедительно прошу не совершать глупостей и не предпринимать попыток добиться освобождения леди Энжель без сопутствующих условий, а принять все как есть. И сразу же, предвидя ваше искреннее возмущение, объясню почему... Увы, но в наше соглашение о передаче леди Энжель ди Самери вам на поруки вмешалась третья сила в лице родственников покойного графа ди Сейта. Мы были вынуждены принять их условие освобождения девушки с каторги в обмен на прекращение вражды между семействами и отказ от преследования леди Энжель в дальнейшем. Здраво полагая, что «довесок» в виде кровной вражды не нужен ни вам, ни уж тем более леди Кейтлин... (Надеюсь, вы с этим согласитесь.) К тому же за подобную сговорчивость семейством ди Сейт поставлена, в общем-то, не самая высокая цена — вам всего лишь придется взять ди Самери под полную опеку. Да-да, именно под полную!»

Рассчитываю на ваше благоразумие в этом вопросе, сэр Кэрридан. Искренне надеюсь, что вы не совершите роковой ошибки и не откажетесь из-за своего необычайно рыцарского характера пойти навстречу всем заинтересованным сторонам, желающим миром завершить длящуюся много лет кровную вражду между семействами ди Самери и ди Сейт, унесшую так много людских жизней, и уж тем более не втянете во все это ди Мэнс...

И еще один момент, сэр Кэрридан, который, возможно, поможет вам принять правильное решение. Несмотря на то что леди Энжель трижды перепроверена нашими лучшими

менталистами на предмет отсутствия у нее желания каким-то образом навредить вам или леди Кейтлин, а также содержания в сокрытых областях ее разума низкоуровневых ментальных закладок — «подарков» от наших аквитанских друзей, я все же не могу унять своего беспокойства касательно того, что данная особа окажется вскоре близ вас и вашей невесты. Я постоянно задаюсь вопросом, почему мои коллеги так запросто выпустили из своих рук подготовленного мага боя в лице леди Энжель, даже не попытавшись ее остановить... Невзирая на явную самоубийственность такого поступка для ди Самери и, таким образом, бесцельную трату драгоценного времени и немалых средств на ее обучение и подготовку... Что-то здесь не так... Боюсь, вполне допустим такой вариант, что наш противник замыслил какое-то невероятное коварство... Ведь я, к моему превеликому сожалению, хотя и согласился с тем, что есть что-то в вашем предложении попробовать вытащить леди Энжель из Аквитании, все же с изрядным скепсисом отнесся ко всему этому замыслу, а потому счел лишней проведение сопутствующей операции сокрытия. Поэтому не исключено, что моими заморскими коллегами был достоверно установлен тот факт, что вы находитесь на свободе и никакая казнь вас не ждет. Что давало им возможность начать свою игру... К примеру, полагая, что действие, которое удалось однажды ее копии, тем более сумеет повернуть и сама ди Самери, они могли сделать ставку на еще одну любовную аферу. (На мой взгляд, это наиболее вероятно.) Главное, вас в нее втянуть, а там сразу появятся варианты развития сложившейся ситуации к их вящей выгоде. Но если ди Самери окажется под вашей полной опекой, то вольное или невольное использование девушки в таком плане против вас станет попросту невозможным. Иначе же, боюсь, попыткам втянуть вас через ди Самери в какую-нибудь аферу не будет конца... А вам такая головная боль в доме, полагаю, совсем не нужна.

В общем, единственно верное ваше решение в данных обстоятельствах, на мой взгляд, — принять все как есть. И взята леди Энжель под полную опеку. Так явно будет лучше как для нее, так и для вас.

Эрих Кован».

— Но Энжель же никогда не согласится на такое условие ее освобождения и ни за что не примет полную опеку! — с отчет-

ливым отчаянием воскликнул я, порывисто поднимаясь и сминая прочтенное письмо.

— Не согласится поменять каторгу на свободу? — насмешливо хмыкнул эйр Риатис. Как-то по-отечески улыбнувшись, он проникновенно сообщил: — Сэр Кэрридан, знаете, кого у нас тут только нет среди осужденных... Есть и карманницы, и разбойницы, и мошенницы, и убийцы, и даже три контрабандистки. — Прервавшись на миг, лиарх выдержал интригующую паузу и убедительно завершил: — А вот дур... Тех нет ни одной! — И развел руками, словно выказывая, таким образом, искреннее сожаление по этому поводу.

— Нет! — от избытка чувств заходяв по кабинету туда-сюда, несогласно замотал я головой. — Нет, так нельзя! — Остановился как вкопанный в дальнем углу и решительно произнес, обращаясь к начальнику каторги: — Нужно сделать все иначе. Раз уж опека над леди Энжель необходима, давайте оформим не полную, а обычную.

— Нет, сэр Кэрридан, — не менее решительно ответил эйр Риатис, отстраняясь от стола и покачивая головой. — Боюсь, пойти на такой подлог я не могу. Ибо имею на сей счет прямой и недвусмысленный приказ. Полученный под роспись. Нарушать который, как сами понимаете, чревато. Так что если вас что-то не устраивает, то решайте вопрос со своим покровителем. А крошка ди Самери пока побудет у нас... — Сложив руки, лиарх с искренним недоумением признался: — Хотя не понимаю, что вас смущает в полной опеке.

С отчаянием прикинув, сколько времени займут возможные мытарства: поиски Кована, которого в столице может банально не быть, и всех прочих заинтересованных лиц, принявших решение по данному вопросу, да попытки убедить их переиграть все — я чуть за голову не схватился. Это ж месяцы уйдут!

Неимоверным усилием воли взяв себя в руки, я резко выдохнул, разжимая судорожно стиснутые зубы. Малость успокоившись, решил не рубить сплеча, а для начала поговорить с Энжель. Объяснить ей сложившуюся не по моей вине ситуацию, успокоить и попросить еще немножко подождать освобождения с каторги.

Пока я так размышлял, ее и привели...

Кто-то коротко постучал. Приоткрыв дверь, в кабинет сунула голову женщина-надзирательница.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая	5
Часть вторая	113
Часть третья	235